

А.М. Либман

Франкфуртская школа финансов и менеджмента,
Институт экономики РАН,
Франкфурт-на Майне, Москва

Немецкая экономическая наука – от национальной к глобальной

Развитие немецкой экономической науки на протяжении прошедших полутора столетий является в некотором смысле типичным примером эволюции сообществ экономистов европейских стран, но при этом во многом от них отличается. В конце XIX в. Германия являлась лидером в области институционализации экономической науки: достаточно вспомнить, что Американская экономическая ассоциация (American Economic Association) создавалась во многом «по образу и подобию» немецкого Союза за социальную политику. При этом немецкие ученые пользовались значительным международным признанием. После Второй мировой войны немецкое научное сообщество, напротив, оказалось оторвано от мировой экономической науки (центром которой стали США): отчасти в результате сохранившихся элементов влияния немецкой исторической школы (прежде всего, в области методологии (Barkai, 1996), а частично – в результате организационных и институциональных особенностей (Hesse, 2005). Эта обособленность нашла выражение, во-первых, в содержании исследований немецких экономистов, применяемой ими методологии и стиле теоретизирования, а во-вторых, – в интенсивности информационного обмена между Германией¹ и «большим миром». Немецкие экономисты крайне редко публиковались в международных рецензируемых журналах – вообще, небольшие масштабы немецкого сообщества экономистов (о чем речь пойдет далее) принципиально препятствовали формированию сколь бы то ни было крупной «журнальной индустрии». В результате господствующей формой публикаций стали монографии, ежегодники и сборники научных трудов – практически всегда на немецком языке. Предпринимавшиеся время от времени попытки издания сборников в переводе на

английский, как правило, не вызывали значительного интереса.

Однако на протяжении последних десятилетий немецкая наука претерпела фундаментальный сдвиг, и сегодня говорить о «национальной специфике» немецкой науки – содержательной (Frey et al., 2007) и организационной – можно только в прошедшем времени. Немецкое научное сообщество полностью интегрировалось в глобальную систему (Raucher, Ursprung, 2008). Даже немногие журналы, существовавшие ранее в Германии, стали выпускать на английском языке: наверное, наиболее яркий пример – превращение *Zeitschrift fuer die gesamte Staatswissenschaft*, имевшего более чем столетнюю историю, в *Journal of Institutional and Theoretical Economics*². Новые журналы (*German Economic Review*, *Kyklos*) в германоязычном пространстве, как правило, с самого начала выходят на английском языке. Сохраняющиеся на немецком языке журналы (*Perspektiven der Wirtschaftspolitik*, *Zeitschrift für Wirtschaftspolitik*) концентрируют внимание на вопросах прикладной политики и «специфических» дискуссиях, представляющих интерес лишь для немецкого сообщества.

Однако даже англоязычные журналы, издающиеся в Германии (*German Economic Review*), встречают ограниченный интерес со стороны немецких исследователей, которые практически полностью приняли существующую в мировом сообществе иерархию журналов³. Монографии и публикации в сборниках научных работ, бывшие некогда основным способом научной коммуникации еще двадцать лет назад, практически полностью «отмирают». Даже традиционно выполнявшаяся в виде «книги» докторская диссертация сегодня все чаще является «кумулятивной»: собранием трех или четырех статей по сходной тематике, ориентированных на публика-

¹ Точнее говоря, речь идет о «германоязычных странах» – ФРГ, части Швейцарии и Австрии, – традиционно известных тесными научными связями.

² Причем «успех» тех или иных университетов с точки зрения публикаций в международных и национальных журналах плотно коррелирован, что позволяет предположить использование ими схожих критериев отбора (Kocher et al., 2004). В России, как известно, отличия между национальной и международной репутацией являются существенными (Дежина, Дашкеев, 2008).

³ Конечно, эта иерархия не совсем идентична в США и Европе (Axaroglou, Theoharakis, 2003) – но все же в общих чертах совпадает.

цию в журналах⁴. Сегодня многие молодые немецкие экономисты никогда не публиковались на немецком языке, и, более того, они часто даже не преподают на немецком языке – если в бакалавриате, возникшем в Германии в результате Болонского процесса, многие курсы читают на немецком, то магистратура, как правило, уже полностью переходит на английский язык.

Приведенные наблюдения в какой-то степени подтверждают и количественные показатели, среди которых наибольший интерес представляет публикационная активность немецких ученых в международных рецензируемых журналах, которую можно считать лучшим показателем их международной интеграции. Конечно, поскольку процесс качественной трансформации завершился во второй половине 2000-х годов, то, скорее всего, имеющиеся данные занижают результативность немецких экономистов и, что еще важнее, требования, предъявляемые сообществом к экономистам (которые рано или поздно «перерастут» в реальные публикации). Но некоторые выводы все же сделать можно.

Прежде всего ряд исследований (Kalaizidakis et al., 1999; Kocher, Sutter, 2001; Combes, Linnemer, 2003; Kocher et al., 2006) проводят *сравнительный анализ* числа и «качества» международных публикаций исследователей из отдельных стран⁵. В других работах (Combes, Linnemer, 2003; Kalaizidakis, 2003; Lubrano et al., 2003) этот же подход применяется для сопоставления уровня отдельных университетов. Здесь результаты в основном неутешительны: на начало 2000-х годов (а именно этот период в основном исследован в литературе) Германия заметно отставала от англоязычных и многих малых европейских стран (а также известного высокоэффективными результатами Израиля) по числу и качеству международных публикаций. Эффект сохраняется даже при исключении из анализа США с их абсолютным доминированием в экономической науке. Это касается публикаций как исследователей, постоянно работающих в Германии, так и получивших в Германии докторскую степень.

Ситуация в Австрии и Швейцарии, согласно отдельным исследованиям, была несколько лучше. К тому же, как показано в (Hodgson, Rothman, 1999), в 1995 г. в Германии работали лишь семь из более чем семисот (!) членов редколлегий ведущих 30 международных журналов. В то же время даже здесь можно найти определенные свидетельства улучшения ситуации: например, речь идет об эволюции университетов Юго-Запада Германии в 2000-е годы (Combes, Linnemer, 2003).

Причины такого отставания (а также его постепенного преодоления) четко видны, если обратиться к списку журналов, в которых предпочитали публиковаться немецкие исследователи. Как отмечается в (Combes, Linnemer, 2003), в Германии такими за 1971–2000 гг. были исключительно немецкоязычные издания: *Jahrbuecher für Nationalökonomie und Statistik (JNS)*, *Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften*, а также перешедший на английский язык *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE)*. В пятерку входят также два журнала по экономике предприятий (*Kredit und Kapital* и *Zeitschrift für Betriebswirtschaft*), а также более прикладной журнал *ifo Studien*⁶. Согласно (Lubrano et al., 2003), по всем журналам, включенным в базу данных E-JEL с начала 1970-х годов, Германия занимает одно из самых низких мест в Европе по доле публикаций в ведущих изданиях (11% – меньше только в Греции, Ирландии и Италии – по сравнению с 66% университетов штата Калифорния в США), однако 66% публикаций приходится на «национальные журналы» (больше только во Франции, Италии и Испании). Однако уже в конце 1990-х годов (точнее – 1993–1999 гг.), по данным (Wittenhager et al., 2001), ситуация изменилась в лучшую сторону. Хотя лидерами по числу статей с немецким участием остаются *Kyklos*, *Review of World Economics* (бывший *Weltwirtschaftliches Archiv*, издающийся в Киле) и *JITE*, на шестом месте находится *Zeitschrift für Nationalökonomie*, но уже четвертое и пятое места занимают очень сильные *Economics Letters* и *European Economic Review*, на девятом месте – *Journal of Economic Behavior and Organization*, а на десятом – *Journal of Public Economics*.

⁴ Формально на момент защиты диссертации эти статьи еще не должны быть опубликованы в журналах, но их формат, стиль и качество оцениваются диссертационным комитетом именно с точки зрения «журнальных» перспектив.

⁵ Обычно публикации в журналах «взвешиваются» в зависимости от импакт-фактора и репутации издания.

⁶ Уже в Австрии ситуация была несколько лучше (Combes, Linnemer, 2003): кроме *JITE* и *JNS* в список вошли издающийся в сотрудничестве с Австрийской экономической ассоциацией журнал *Empirica*, а также *Public Choice* и *Kyklos* (но здесь, похоже, причиной было присутствие в Австрии нескольких сильных экономистов в области теории общественного выбора, таких как Д. Мюллер). В Швейцарии, наконец, кроме *Schweizerische Zeitschrift für Volkswirtschaft und Statistik / Swiss Journal of Economics and Statistics*, до 2006 г. принимавшего статьи на английском, немецком и французском языках (после 2006 г. все статьи издаются только на английском), в список «приоритетных журналов» входят не только издающиеся в Швейцарии *Kyklos* и немецкоязычный *Aussenwirtschaft*, а также *JITE*, но и сильнейший (на тот момент) журнал континентальной Европы – *European Economic Review*.

Также неоднозначными являются результаты работ, где непосредственно анализируется динамика публикационной активности в Германии и других странах. Если, по оценкам (Eichenberger et al., 2000), положение Германии с точки зрения массива публикаций практически не изменилось, то отчет (Wittenhager et al., 2001) дает уже более оптимистичную картину. Хотя доля Германии в среднем в публикационной активности 1981–1999 гг. оставалась незначительной, авторы четко фиксируют постоянный рост этого показателя в структуре новых публикаций: с 1,2% в 1981 г. до 2% – в 1989 г. и 3,3% – в 1999 г. Если учитывать медлительность академического процесса публикаций, ситуация выглядит далеко не так плохо. Абстрагируемся от международных сопоставлений и сосредоточим внимание на внутренней динамике: изменения окажутся еще более впечатляющими. В исследованиях (Beckmann and Schneider, 2009) приводятся данные, характеризующие публикационную активность немецких исследователей за 1980–2000-е годы. Согласно данным этой работы, вплоть до 1987 г. публикации в международных журналах оставались уделом небольшого числа исследователей (распределение определяется «выдающимися значениями»). Даже для более поздних периодов ноль все еще входит в доверительный интервал для среднего числа баллов, которые набирает за год средний немецкий исследователь. Тем не менее, четко видно улучшение ситуации, причем как в среднем (среднестатистический исследователь начал публиковаться, причем публикуется все более и более активно), так и для выдающихся значений (уровень которых несколько возрос по сравнению с 1980-ми годами).

Рост публикационной активности в международных журналах фиксируют и данные работы (Graber et al., 2008), исследующей производительность отдельных возрастных когорт немецких ученых. Согласно полученным результатам, исследователи, позже вошедшие в сообщество (ставшие полными профессорами), являются значительно более производительными. Внутри самой молодой группы (профессоров, получивших позиции в 1997–2006 гг.) около 40% исследователей набирают за год около 0,5 баллов (где один балл присваивается за статью в *European Economic Review*); когорты 1988–1996 гг. за год получает в среднем лишь 20%, когорты 1979–1987 гг. – 5%, а старшая когорты, получившая позиции еще во время бума новых факультетов 1970–1978 гг., не публикует практически ничего. Этот же вывод подтверждают и данные (Raucher, Ursprung, 2008). При этом Германия значительно превосходит остальные европейские страны с точки зрения роста числа публикаций в ведущих журналах (Cardoso et al., 2010).

Публикации также становятся все более важной характеристикой отбора новых преподавателей и исследователей. В работе (Graber et al., 2008) приводятся данные о среднем числе публикаций профессоров, получивших позицию с 1975 г. в год назначения на должность (опять же, в эквивалентах статьи в *European Economic Review*). Анализ позволил выявить однозначный тренд в сторону постоянного роста требования по публикациям: от менее чем одной в 1975 г. до примерно трех в 1990 г. и более чем шести в 2006 г. (см. также (Schulze et al., 2008), где имеется близкий результат). Если попытаться дать прогноз ситуации на ближайшие годы (после 2010 г.) в разбивке по отдельным дисциплинам, можно ожидать, что в области микроэкономики и общественных финансов требования достигнут 10 эквивалентов статьи в *European Economic Review* на год получения назначения.

Подведем итог: тенденция к интеграции в глобальное научное сообщество является очевидной. Даже если Германия и не стала лидером на глобальном рынке (откровенно говоря, это едва ли возможно: в обозримом будущем абсолютное доминирование США как центра экономических исследований не вызывает сомнений), она, в любом случае, может считаться его интегральной частью.

Литература

- Дежина И.Г., Дашкеев В.В. (2008): Есть ли в России ведущие экономисты и кто они? М.: ИЭПП.
- Azarloglou K., Theoharakis V. (2003): Diversity in Economics: An Analysis of Journal Quality Perceptions // *Journal of the European Econ. Association*. Vol. 1. P. 1402–1423.
- Barkai H. (1996): The Methodenstreit and the Emergence of Mathematical Economics // *Eastern Econ. Journal*. Vol. 22. P. 1–19.
- Beckmann K., Schneider A. (2009): The Interaction of Publications and Appointments – New Evidence on Academic Economists in Germany. Helmut Schmidt University Department of Economics Working Paper № 91 (Hamburg: Helmut Schmidt University).
- Cardoso A.R., Guimaraes P., Zimmermann K.F. (2010): Trends in Economic Research: An International Perspective // *Kyklos*. Vol. 63. P. 479–494.
- Combes P.-P., Linnemer L. (2003): Where are the Economists Who Publish? Publication Concentration and Rankings in Europe Based on Cumulative Publications // *Journal of the European Econ. Association*. Vol. 1. P. 1250–1308.
- Eichenberger R., Meier U., Arpagaust R. (2000): Oekonomen, Publikationen und Zitationen: ein europäisches Vergleich // *Perspektiven der Wirtschaftspolitik*. Band 1. S. 143–160.

- Frey B. S., Humbert S., Schneider F.** (2007): Was denken deutsche Ökonomen? Eine empirische Auswertung einer Internetbefragung unter den Mitgliedern des Vereins für Sozialpolitik im Sommer 2006 // *Perspektiven der Wirtschaftspolitik*. Band 8. S. 359–377.
- Graber M., Launov A., Waelde K.** (2008): Publish or Perish? The Increasing Importance of Publications for Prospective Economics Professors in Austria, Germany and Switzerland // *German Econ. Rev.* Vol. 9. P. 457–472.
- Hesse J. O.** (2005): Why Did German Economics Turn to a Mathematical Approach So Late? On the Relationship of Social Change and Scientific Progress. Mimeo (Bremen: EAEPE).
- Hodgson G.M., Rothman H.** (1999): The Editors and Authors of Economics Journals: A Case of Institutional Oligopoly? // *Econ. Journal*. Vol. 109. P. 165–186.
- Kalaitzidakis P., Mamuneas Th. P., Stengos Th.** (1999): European Economics: An Analysis Based on Publications in the Core Journals // *European Econ. Rev.* Vol. 43. P. 1150–1168.
- Kalaitzidakis P., Mamuneas Th. P., Stengos Th.** (2003): Rankings of Academic Journals and Institutions in Economics // *Journal of the European Econ. Association*. Vol. 1. P. 1346–1366.
- Kocher M.G., Sutter M., Heregger U.L.** (2004): Die Bedeutung der Zeitschriftenauswahl für die ökonomische Forschung, in: Backes Gellner P. (ed.): Evaluationen von Bildungsinstitutionen und Konsequenzen. Berlin: Duncker und Humblot. P.101–118.
- Kocher M.G., Sutter M.** (2001), The Institutional Concentration of Authors in Top Journals of Economics during the Last Two Decades // *Econ. Journal*. Vol. 111. P. 405–421.
- Kocher M.G., Luptacik M., Sutter M.** (2006): Measuring Productivity of Research in Economics: A Cross Country Study Using DEA // *Socio Economic Planning Sciences*. Vol. 40. P. 314–332.
- Lubrano M., Bauwens L., Kirman A., Protopopescu K.** (2003): Ranking Economics Departments in Europe: A Statistical Approach // *Journal of the European Econ. Association*. Vol. 1. P. 1367–1401.
- Raucher M., Ursprung H.W.** (2008): Life Cycle and Cohort Productivity in Economic Research: The Case of Germany // *German Econ. Rev.* Vol. 9. P. 431–456.
- Schulze G.G., Warning S., Wiermann C.** (2008): What and How Long Does It Take to Get Tenure? The Case of Economics and Business Administration in Austria, Germany and Switzerland // *German Econ. Rev.* Vol. 9. P. 473–505.
- Winterhager M., Schwegheimer H., Weingart P.** (2001): Sichtbarkeit Deutschlands in den internationalen führenden Zeitschriften der Wirtschaftswissenschaften. Bericht an den Wissenschaftsrat und das BMBF (Bielefeld: University of Bielefeld).

Поступила в редакцию 26 ноября 2010 года.

А.Е. Варшавский

ЦЭМИ РАН, Москва

Проблемы науки: РАН и вузы

Наука является основным, первичным элементом национальной инновационной системы (НИС). При слабой сфере исследований и разработок (ИР) нельзя ожидать больших результатов на выходе НИС – это очевидно. Однако инновационная активность в стране не зависит в еще большей степени от состояния других звеньев цепочки предложения научных результатов – качества системы образования, эффективности системы стимулирования научной и инновационной деятельности, подготовленности органов государственного управления и других институтов и, разумеется, спроса со стороны экономики. Следует учитывать и лаг между получением научного результата и его использованием в экономике.

Если качество системы образования, которая ответственна в первую очередь за распространение знаний, недоста-

точно высоко, то и уровень подготовки инженерно-технических работников оставляет желать лучшего, а это сразу же проявляется в снижении инновационной активности. Одновременно попытки, как это сейчас делается, значительно расширить ИР в вузах не могут заметно повысить эффективность науки, так как прямой обязанностью вузов является не научно-исследовательская деятельность, а обучение студентов и тем более – не зарабатывание денег. Именно поэтому в докладе Лиги европейских исследовательских университетов (LERU), в которую входят 22 ведущих вуза стран ЕС, отмечалось, что акцент на расширение исследовательской деятельности в университетах может привести к тому, что «наука окажется врагом высшего образования, а не его дополнением» (это надо учитывать у нас тем, кто мечтает за десять лет создать новый корпус преподавателей, веду-